

Русское и французское благочестие

Мальчиком 13 или 14 лет узнал я о св. Серафиме Саровском, увидев на стене постоялого двора в какой-то глухой деревне одного из северных уездов Тверской губернии дешевую литографию, изображавшую старца, молящегося в лесу с воздетыми руками. Старец тогда еще не был канонизирован, но почитание его уже широко распространилось в народе; наши места находятся не ближе, чем в 500 верстах от Сарова.

С тех пор прошло почти 40 лет. Несколько месяцев тому назад в Национальной библиотеке, в Париже, просматривая «Литературную историю религиозного чувства во Франции» аббата Бермона, наткнулся я на снимок с портрета знаменитого французского церковного деятеля 17-го века, кардинала де Берюлля, и почему-то сразу вспомнил о св. Серафиме на стене избы.

Русский святой был изображен одетым плохо, волосы и борода длинные, нетронутые, такие, как их Бог растил, память о преподобном разносят убогие литографии, но ошибся бы тот иностранец, который, может быть и доброжелательно, но с некоторой высокомерной снисходительностью подумал бы, что саровский подвижник – святой специально для простых, необразованных людей.

Незримый, но непрерывный мост соединяет леса Темниковского уезда с пустынями Синая и Египта, связывает бревенчатые кельи русского заштатного монастыря времен императора Александра I-го с епископскими домами Капподокии времен первых византийских императоров. Невидимые, но крепкие нити тянутся от духа и разума курского купеческого сына XVIII столетия, ставшего потом преподобным Серафимом, к душам египетских крестьянских сыновей IV века, к душам Пахомия и Макария, и не к ним одним, но и ко многим другим, особенно же, может быть, к душе того знатного малоазийского грека, вдумчивого ученика Афинской философской школы, которого все христианство прославляет под именем Василия

Великого. Не тамбовское провинциальное благочестие начала девятнадцатого века перед нами, а широта вне пространств и времен.

Вселенские учителя кажутся сейчас многим недоступными горами. Писания, жизнь, самые личности праведников, более близких к нам по времени, - ступени и подходы к этим вершинам. Вот почему старец Серафим – святой не для русских простецов только, но святой и для образованных, истосковавшихся по правде людей, не только русских, но, в будущем, наверное и иностранцев.

От копеечной деревенской картинки перейдем к кардинальскому портрету: тонкий профиль, подстриженные волосы, холеная укороченная борода, богатые одежды – пурпур и кружева. Вспоминаешь порфиру и виссон. Знаменитый Филипп де Шампань написал благочестивого кардинала Берюлля так же, как он написал грешного кардинала Ришелье. Судя по портрету, русский человек скажет и про первого: «надменный вельможа, а не праведник».

Приходит черед русскому человеку судить по видимости и тоже впасть в ошибку. Но нам все-таки непонятно, как Шампань, сам человек очень религиозный, не сумел передать духовную красоту и сущность образа Берюлля; еще более удивляешься, как Бремон, тонкий и вдумчивый писатель, не почувствовал, что помещаемое им изображение Берюлля не соответствует той характеристике, которую он дает этому лицу, рассказывая о его смирении, простоте и святости.

Все эти мелочи, но они свидетельствуют, что внутреннее существо французов часто выражается в формах, нам чуждых и непонятных. Мы же для них, конечно, еще более непонятны и странны. Между тем, если вникнуть в глубину, то основание, корень благочестия – один. Живя во Франции, мы видим глубокую и традиционную религиозность значительной части народа. Достаточно посмотреть на Париж в мае – месяц Пресвятой Девы Марии, когда улицы украшаются прекрасными весенними цветами, трогательными фигурками Христовых невест, девочек-причастниц в

длинных белых платицах, стоит пойти на левый берег Сены, где в старых кварталах почти половина улиц названа в честь святых. И в то же самое время неверие и индифферентизм большинства настолько сильны и прочны, что сердце щемит. Чтобы понять это противоречие, стараешься вникнуть в дух и формы французской религиозности. Два обстоятельства обращают на себя при этом особое внимание. Первая – это некоторая узость, как бы провинциальный характер французского благочестия, хотя оно и очень глубоко, и чрезвычайно искренно; второе обстоятельство – громадная роль женщины в истории французской церкви и религиозной жизни. Вспомним св. Женевьеву, Иоанну, д'Арк, Бернардетту в Лурде, Терезу в Ливье, Жакелину – сестру Паскаля и т.д. Вероятно, есть некоторая причинная связь между женским влиянием и односторонностью благочестия, но впрочем главное основание последней нужно все-таки видеть в пристрастии французов к формулам. Между тем многообразия и сложности религиозных переживаний в рациональные общие формулы не уложишь, и всякая такая попытка делает зашнурованное благочестие приемлемым лишь для очень ограниченного круга лиц, отгоняя большинство. Обращает на себя внимание и тот любопытный факт, что многие и часто виднейшие представители математических наук во Франции были верующими католиками. К их числу принадлежат: Декарт, Мерсенн, Паскаль, Мопертюи, Коши, Ампер, Лаплас, Дюгем, И. Таннери и т.д. Очевидно, что эти формулы французской религиозности не отталкивали: верующие математики даже накладывали на благочестие отпечаток того «геометрического духа», о котором говорит Паскаль в своих «Мыслях, указывая вместе с тем на его отличия от «Духа пронизательности (тонкости)».

«Дух геометрии – это стремление все начинать с определений и принципов».

- Дух тонкости: это – интуиция, зоркость внутреннего зрения, острота суждения.

Французский гений отмечен преимущественно печатью духа геометрии, а русский – духа пронизательности и тонкости.

Поэтому приходится употреблять особые усилия, чтобы приблизиться к внутреннему миру французов. Подход к нему можно найти, выбрав из среды французских мыслителей тех, которые, будучи типичными французами, в то же самое время подходили бы на нас некоторыми сторонами своего внутреннего я.

С кого же начать?

Первый, кто приходит в голову, это Паскаль. Не раз слышишь, как его сравнивают с Достоевским. Такое сопоставление имеет глубокие основания, так как несмотря на определенное различие в их психике, несмотря на то, что их разделяет промежуток времени в 230 лет, сын важного французского провинциального чиновника и сын скромного штаб-лекаря и небогатой московской купчихи – родные братья по духу. Одна у них несокрушимая и беспощадная частность мысли, одно горение сердца и одно неутомимое искание Божией правды. Думается поэтому, что идеи Достоевского, типичные русские религиозные идеи, могли бы быть усвоены французами через посредство его, но это лишь один из путей сближения их души с нашей, но он не единственный. Среди французской интеллигенции, вероятно, чаще, чем в какой-либо иной, можно встретить лиц, принадлежащих к одной из следующих двух категорий. Одни сначала были верующими, а потом поколебались в своей вере или даже утратили ее совсем, другие – начали с неверия, затем повернули к Богу, но не дошли до Него, а остановились на полпути. К первой группе можно отнести Ламеннэ, отца Гиацинта, Сент-Бева, Виктора Гюго, Альфреда де Виньи, Ренана, ко второй – Сен-Симон, Жорж Санд, Огюста Конта, Тэна.

Изучение психологии этих людей и причин их сомнений, падений и неудач укажет нам пути и способы духовного общения с современными французскими богоискателями.

Русские люди получили от Господа Бога дар вдумываться в чужие души, постигать их и находить в них отклик. Не нужно русской верующей молодежи закапывать этого дара в землю, она не должна замыкаться в своей среде, сторониться французов; напротив того, мы должны идти к ним с открытой душой и с братской любовью, смиренно учиться у них тому, в чем они превосходят нас и смиренно же предлагать и нести им на помощь те вечные, вселенские, духовные сокровища, которые, в нетленной красоте, мы, недостойные, сподобились найти опять под развалинами русских мирских благ и русского земного могущества. С этими богатствами нам следует, главным образом, обращаться к сомневающимся; мы принесем им теплоту восточного христианства – с ее помощью некоторые из несчастных, может быть, скорее найдут веру, но закреплять ее они, вероятно, прочнее всего в ограде родной им католической церкви Франции. Другого нам, несмотря на непоколебимость наших православных убеждений и не нужно добиваться, иначе возникнет соблазн, огорчение и раздражение, и делу общей борьбы против неверия будет нанесен большой вред.

Странник

Париж